

А. Т. ЛИПАТОВ (Йошкар-Ола)

К ТОЛКОВАНИЮ И ЭТИМОЛОГИИ ДРЕВНЕМАРИЙСКОГО ТЕОНИМА **vadaš*

Язычество не знало единого пантеона божеств. Языческий пантеон — это, по существу, мозаика племенных пантеонов. Даже в одной этноязыковой семье, например финно-угорской, у каждого этноса свой «набор» богов. Достаточно обратиться к высшим божествам: у коми бог света и добра — *Ен*, мрака и зла — *Омель*, у мордвы — соответственно *Вардя-Шкай* (или *Чам-Пас*) и *Шайтан*, у марийцев — *Юмо* и *Кереметь*. При этом марийскую космогонию следует признать наиболее полной. Свои высшие божества издревле имеют ханты и манси (Kajjalainen 1921 : 250—281).

И тем не менее в религиозных представлениях древних народов языческой поры просматривается и определенная общность: так, во всей полноте выступает у них общераспространенный культ предков, в соответствии с которым происходит своеобразная привязка младших божеств (духов) к душам умерших, кои даже после смерти признаются членами рода или племени. Мир древнего язычника обильно населен духами, старейшими из них были духи мест обитания (подворье, жилище, роща, река и т. п.). Особое место принадлежало духам — хранителям домашнего очага.

Обращает на себя внимание, что и кряшенско-тат. *бутыш*, и мар. *водыж* с его вариантами *вадаж*, *вадаш*, *водош*, и чув. *вутӓш* (*вотӓш*, *вуташ*) — обозначения низшего божества, некоего духа — хозяина природных объектов (Васильев 1927 : 19). См., например, мар. *кудо водыж* 'домовый дух', а также 'пучок ветвей в переднем углу жилища (кудо)', *яктер водыж* 'дух — покровитель и владелец сосновой рощи' (Смирнов 1889 : 141—142); *βüd βodäž* 'хозяин воды (вод)', *mlande βodäž* 'хозяин, защитник земли' (Paasonen 1948 : 11—12); *kornä βodäž* 'хозяин дороги' (Holmberg 1913 : 126—129); *ер водыж* 'дух (хозяин) озера' (Васильев 1904 : 27).

Сам термин **vadaš* вызывает противоречивые мнения и неоднозначные толкования исследователей. Самая давняя этимология принадлежит С. Нурминскому: мар. *вадыш* в его понимании — это производное от глагола *вадышем* 'любя деру' (1862 : 260). Исследователь связывает это с обычаем древних марийцев поклоняться березе, а ее олицетворением как раз и служит *вадыш* (Нурминский 1862 : 243—245, 260).

В настоящее время среди исследователей (особенно тюркологов) получило распространение иное мнение: мар. *вадыж* (*водыж*) не является исконным образованием, а представляет собой древнечувашское (булгарское) проникновение. Так, В. Г. Егоров, сопоставляя чув. *вутӓш* 'водяной', башк. *һыу инаһе* 'мать воды', тат. *су анасы*, узб. *су*

алвастиси и др. — 'водяной', указывает: «В состав тюркских слов входит слово 'вода', чувашское *вутăш* представляет в этом отношении исключение: *вут* 'огонь' + *йыш* 'хозяин'; следовательно, *вутăш* 'хозяин огня', т. е. 'дух огня'. По-видимому, чувашское *вутăш* первоначально обозначало духа огня, а позднее уже — водяного, может быть, под влиянием марийского *вӹдысӹ водыш* 'водяной' (*вӹд* — 'вода')» (1964 : 58).

Предпочтение тюркскому первоисточнику в образовании мар. *вадыж* отдает и М. Р. Федотов, который в окончании *-аш* чувашского имени *вутăш* усматривает словообразующий суффикс; ср., например, чув. *таранаш* 'глубина' — *таран* 'глубокий' (1965 : 78).

Попытку приоткрыть тайну значений чув. *вотăш* и мар. *вадыж* предпринял Р. Г. Ахметьянов (1981). Признавая, что происхождение слова *вадыж* (*водаж*) «в целом неясно», он излагает свою гипотезу, оставаясь в русле тюркской интерпретации. Исходя из фонетических закономерностей переоформления тюркских основ в чувашско-марийском ареале, исследователь предполагает, что наиболее древним вариантом из всех имеющихся является *воташ*, *ваташ*, который представляет производное от общетюрк. *оташ*, *уташ* или *ӱтăш*, *ӱтăш*. Восстанавливая таким путем архетип, Р. Г. Ахметьянов сближает его с татарским (мишарским) антропонимом *Утăш* как сокращением хорошо известного имени *Утэгэн*, происходящего от древнетюрк. *Ötüken* 'божество, олицетворяющее природу, дух природы'. А *Ötüken*, в свою очередь, восходит к *Kängä* (*Kängäi*), что значит 'Хангай'. По разысканиям Г. Рамстедта, *Хангай* — это тат. *кангый* 'сказочная страна', калм. *altä xanga* 'Алтай и Хангай' (Ramstedt 1976 : 8). А эти топонимы у тюркско-монгольских народов употребляются в значении 'прародина'. Так, Р. Г. Ахметьянов сближает этимологию мар. *вадыж* с легендарной древнетюркской прародиной *Кангый* и ее персонификацией — божеством природы (1981 : 21—22).

Но подобная этимология мифологического образа, пожалуй, и самому ее автору показалась зыбкой и малоубедительной, потому-то он и не настаивает на своей гипотезе. «Центром, откуда распространился этот мифологический образ, — пишет он, — является марийская мифология: чув. *вотăш*, *вутăш*, по всей вероятности, заимствовано из марийского языка (вторично?), а тат. вариант *бутыш* заимствован из чув. (при заимствовании из болгарского должно было бы быть *баташ*)» (1981 : 21).

В мозаике таких противоречивых и не всегда убедительных этимологий древнемарийского теонима *vadaš выделяется толкование Ф. И. Гордеева. Опираясь на тюркские этимологические и исторические данные и критически рассмотрев этимологические толкования предшественников, он ставит под сомнение предположение о собственно чувашском (булгарском) происхождении чув. *вутăш* и мар. *vadaš. «То и другое, — указывает Ф. И. Гордеев, — по всей вероятности, в марийском языке — индоиранское или иранское наследие финно-угорской языковой общности, а в чувашский язык оно проникло из марийского источника» (Гордеев 1983 : 9).

Как видим, по-прежнему остается открытым вопрос об этимологии древнего марийского языческого теонима *vadaš: все тюркские гипотезы его происхождения оказываются не вполне убедительными, так как не существует сколько-нибудь достоверных этимологий, основывающихся на исконно финно-угорском языковом материале. Видимо, истоки архилексемы *vadaš не следует искать в древнетюркском весьма гипотетическом топониме *Kängä* или в нынешнем марийском глаголе *вадышем*. Правильно полагает Ф. И. Гордеев: *vadaš в качестве лек-

семь унаследован финно-уграми от индоиранцев. А как теоним архилексема **vadaš* появилась в древнемарийском языке скорее всего одновременно с этнонимом *mari* (ср. древнеинд. *marya* 'молодой человек, молодой герой'), ставшим названием поначалу одного поволжского финно-угорского племени и перенесенным затем на весь древний марийский этнос.

Древнемарийская лексема **vadaš* восходит в конечном счете к индоевропейскому корню **uā(uē)* с его общей идеей вдохновения и вспомоществования. А с указанным корнем, в свою очередь, оказываются связанными индоевр. **uāt* 'состояние возбуждения, экстаза, вдохновения' (Роконну 1959 : 1113; Гамкрелидзе-Иванов 1984 : 835) и **uēr* 'защищать, оборонять, спасать' (Роконну 1959 : 1161; Гамкрелидзе-Иванов 1984 : 741).

Итак, современный марийский теоним *водыж* (из ф.-у. **vadaš*) совмещает в себе качества прорицателя и защитника (охранителя), наделенного силой.

ЛИТЕРАТУРА

- Ахметьянов Р. Г. 1981, Общая лексика духовной культуры народов Среднего Поволжья, Москва.
 Васильев В. М. 1927, Материалы для изучения верований и обрядов мари, Краснококшайск.
 Васильев М. 1904, О кереметях у чуваш и черемис, Казань.
 Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. В.с. 1984, Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры, Тбилиси.
 Гордеев Ф. И. 1983, Этимологический словарь марийского языка, т. 2, Йошкар-Ола.
 Егоров В. Г. 1964, Этимологический словарь чувашского языка, Чебоксары.
 Нурминский С. 1862, Очерк религиозных верований черемис, Казань (Православный собеседник Казанской духовной академии, кн. XI, ч. III).
 Смирнов И. Н. 1889, Черемисы. Историко-этнографический очерк, Казань.
 Федотов М. Р. 1965, Исторические связи чувашского языка с языками угрофиннов Поволжья и Перми I. Чувашско-марийские связи, Чебоксары.
 Kaгjаlаіnеn, K. F. 1921, Die Religion der Jugra-Völker I, Helsinki.
 Raasonen, H. 1948, Ost-tscheremissisches Wörterbuch, Helsinki (LSFU XI).
 Holmberg, U. 1913, Die Wassergottheiten der finnisch-ugrischen Völker, Helsinki (MSFOu XXXII).
 Роконну, J. 1959, Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Band 3, Bern und München.
 Ramstedt, G. J. 1976, Kalmükisches Wörterbuch, Helsinki (LSFU III).

A. T. LIPATOV (Joškar-Ōla)

ÜBER DIE ETYMOLOGIE UND INTERPRETATIONEN DES ALTMARISCHEN THEONYMS **vadaš*

Gegenstand der vorliegenden Untersuchung sind die bisher vorgelegten Etymologien der altmarischen Bezeichnung für **vadaš* und im Ergebnis seiner Analyse schlußfolgert der Autor, daß es sich hierbei um ein indoeuropäisches Lehnwort handelt.